

МОСКОВСКИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Сборник статей по итогам Международной научной
конференции 7–8 ноября 2017 г., Московский
педагогический государственный университет, г. Москва

Москва
2018

Сборник статей

**Революции в России.
Теория и практика
социальных преобразований**

«МПГУ»

2018

УДК 94.47:323.272
ББК 63.3(2)535+63.3(2)611

Сборник статей

Революции в России. Теория и практика социальных преобразований / Сборник статей — «МПГУ», 2018

ISBN 978-5-4263-0679-0

Сборник содержит статьи участников Международной научной конференции, состоявшейся в Москве 7–8 ноября 2017 г. В нем нашли отражение результаты научных исследований отечественных и зарубежных историков и педагогов, посвященные изучению Великой Российской революции 1917 года и проблемам преподавания этого переломного периода мировой истории. Сборник адресован специалистам и всем интересующимся историей. Сборник издан при финансовой поддержке Фонда «История Отечества».

УДК 94.47:323.272

ББК 63.3(2)535+63.3(2)611

ISBN 978-5-4263-0679-0

© Сборник статей, 2018
© МПГУ, 2018

Содержание

Концепция истории, революция и образы будущего	5
Ленин о социализме	5
LENIN ON SOCIALISM	5
Революции 1917 г. в России – анализ и оценка качественных трансформаций общества	14
REVOLUTIONS OF 1917 IN RUSSIA – ANALYSIS AND EVALUATION OF THE QUALITATIVE TRANSFORMATIONS OF THE SOCIETY	14
Октябрьская революция в России и проблема пропуска формаций: историко-теоретический анализ	21
THE OCTOBER REVOLUTION IN RUSSIA AND THE PROBLEM OF CROSSING STRUCTURES: THEORETICAL ANALYSIS	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Революции в России: Теория и практика социальных преобразований Сборник статей по итогам Международной научной конференции (7–8 ноября 2017 г., Московский педагогический государственный университет, г. Москва)

Концепция истории, революция и образы будущего

Ленин о социализме

Крауш Т.

Аннотация. В статье предлагается оригинальный анализ творческого наследия лидера большевистской партии и Советской России В.И. Ленина. Статья акцентирует внимание на вопросах особенно актуальных как в исторической ретроспективе, так и в контексте современного положения в мире. Череда экономических и политических кризисов поставили проблему выбора антикризисных механизмов и альтернативных путей развития человечества. В статье показано, как подобного рода проблемы решались Лениным в условиях Революции 1917 г. и постреволюционного развития. Автор показывает нестандартность и творческий характер ленинских подходов к самым неоднозначным задачам, возникавшим перед советским руководством в условиях Гражданской войны, военного коммунизма и нэпа. Успешность ленинской политики предопределялась тем, что, сохраняя верность основным принципам марксистского учения, Ленин максимально адекватно учитывал характер момента, те изменения, которые происходили в советском обществе. Помимо творческого, динамичного ленинского подхода к решению политических задач, актуальность сохраняет и предложенная Лениным альтернатива капиталистической и авторитарной модели социального устройства, которую он видел в социализме.

Ключевые слова: В.И. Ленин, Октябрьская революция, военный коммунизм, НЭП, государственный капитализм, диктатура пролетариата, переходный период, социализм.

LENIN ON SOCIALISM

Krausz T.

Abstract. The article offers an original analysis of the creative legacy of the leader of the Bolshevik Party and Soviet Russia V.I. Lenin. The article focuses on issues that are especially relevant both in historical retrospect and in the context of the current situation in the world. The series of economic and political crises posed the problem of choosing anti-crisis mechanisms and alternative ways of human development. The article shows how such problems were solved by Lenin in the conditions of the Revolution of 1917 and post-revolutionary development. The author shows the non-standard and creative character of Lenin's approaches to the most ambiguous tasks that arose before the Soviet leadership in the conditions of the Civil War, War Communism and NEP. The success of Lenin's policy was predetermined by the fact that, while maintaining fidelity to the basic principles of Marxist teaching, Lenin most adequately took into account the nature of the moment, those changes that occurred in Soviet society. In addition to the creative, dynamic Leninist approach to solving political problems, the alternative offered by Lenin to the capitalist and authoritarian model of social order that Lenin saw in socialism, is still essential.

Key words: V.I. Lenin, the October Revolution, War Communism, NEP, Dictatorship of the Proletariat, transition period, socialism.

The original problem of socialism in Soviet Russia

Lenin outlined the whole problem of socialism through the historical development of relations of property and production, according to which the new socialist “communal society” appears in modern history after the dissolution of the ancient communities including of Russia.¹ It was a higher form of communal ownership, direct control over workplace through the soviets of workers (historical ancestor: Paris commune 1871).

When Lenin posited his own “three-step” concept in his *State and Revolution* – in which socialism, as the “lower phase” of communism, is preceded by a “transitional period” – he could not have known that the Russian Revolution would be left isolated. As a result, Soviet development has different periods on economic and political criterias. The three phases following the October Revolution – the “market economy” that characterized the period until spring 1918, the war communism of 1918–1920, and the “state capitalism” of the New Economic Policy (NEP) from March 1921 onward – left substantive and easily outlined theoretical traces in Lenin’s thought.

When Lenin posited his own “three-step” concept in his *State and Revolution* – in which socialism, as the “lower phase” of communism, is preceded by a “transitional period” – he could not have known that the Russian Revolution would be left on its own. As a result, theoretical socialism as a practical issue would be put off in perpetuity and history would actuate the possibility of socialism in peculiarly Russian form, something he would very much have wanted to avoid.

From market economy to war communism

Central to Lenin’s thinking after October 1917 was how to preserve the hard-won strength: the power of the soviets. In practice this was never separate from the power of his party, which saw it as the political condition upon which continuing soviet power depended. He surveyed the practical

¹ See: *Krausz T.* Lenin on global history and the global historiography on Lenin. Lecture on the Fifth European Congress on World and Global History (European Congress European Network in Universal and Global History (ENIUGH)). 31 August 2017, Corvinus University, Budapest.

possibility of communal-socialist proletarian ends from this point of view. The contradiction, which strained the tortuous daily battles for survival and the end objectives, increasingly set the discrete problems of the so-called transitional period in the forefront. Such was the mass of problems he confronted at the first congress following October. There, he drew attention to the particularity of their revolution, “The situation is misrepresented to make believe that some want to ‘introduce’ socialism in Russia by decree, without considering the existing technical level, the great number of small undertakings, or the habits and wishes of the majority of the population.”

In his pamphlet, *The Immediate Tasks of the Soviet Government*, published on 28 April 1918, Lenin once again raised these same questions, and gradually formed his own position in light of the new situation. The reason he attributed such grave importance to the difficulties caused by the “chaotic” situation was that “the military party, tempted by Russia’s momentary weakness ... may gain the upper hand at any moment” in the West.² He intended to establish a concrete economic alternative to market-dominated production in an “anarchically built capitalist society” and the “spontaneously growing and expanding national and international market” system,³ but which had not yet overstepped the limitations of the existing “mixed market economy.” True, he had already advocated “the strictest and universal accounting and control of the production and distribution of goods.” Since he spoke about “setting up an extremely intricate and delicate system of new organisational relationships”, whose realization was not merely a technical matter, it is natural that he did not envisage a complete and immediate termination of all market relations as “time is needed” to “convince the people” and “deepen consciousness.” Nevertheless, just such a termination would shortly be implemented under civil war conditions. As the organization of the new method of production and distribution was not proceeding at the required pace and with the expected breadth, Lenin concluded that the capitalist sector would have to remain standing. He said, “If we decided to continue to expropriate capital at the same rate at which we have been doing up to now, we should certainly suffer defeat”, and elsewhere that “the expropriation of the expropriators” is easier than introducing a new system.

He believed that the Red Guard attacks on capital had drawn to a close and the period of “utilising bourgeois specialists by the proletarian state power” had begun.⁴ He even strayed from every theoretical premise and declared unequivocally that these specialists must be engaged in the service of the new regime with “high remuneration”. Lenin described this “winning over the ‘stars’ of the intelligentsia” as a “step back” and a “partial retreat” when compared with socialist equality.⁵ In the same breath – and with great prescience – he spoke of a certain and inevitable corruption of this system, the weakening of its moral fiber as a sort of natural concomitant of “market economy”. “The corrupting influence of high salaries – both upon the Soviet authorities (especially since the revolution occurred so rapidly that it was impossible to prevent a certain number of adventurers and rogues from getting into positions of authority ...) and upon the mass of the workers – is indisputable.” Yet he never found a convincing solution to this contradiction, always thinking in terms of “socialist” and “proletarian” consciousness, because they had not been able to establish “comprehensive control and accounting,” and had “fallen behind with the socialist reforms.” “We have introduced workers’ control as a law, but this law ... is only just beginning to penetrate the minds of broad sections of the proletariat.”⁶ Essentially, the expansion of state regulation to capitalist production and turnover

² Lenin Collected Works (LCW). Vol. 27. P. 237.

³ Ibid. P. 238.

⁴ Ibid. P. 246, 248.

⁵ Ibid. P. 248–250.

⁶ Lenin Collected Works (LCW). Vol. 27. P. 254.

of goods (to the cooperatives as well) may become a fundamental question regarding financial and market conditions in the “transition leading to socialism”.⁷

A virtually unnoticed shift took place within this political framework toward war-communist restrictions of the market economy. Originally instrumental in defending against foreign capital and establishing independence internally, the state monopoly on grain (introduced by the Provisional Government’s law of 25 March 1917) was followed by plans for both a state monopoly on foreign trade and a property tax, as a way of “supplementing” the budget.⁸ At the same time, in *The Impending Catastrophe*, he drew a clear line between state control of the bourgeoisie and the expropriation of private property that applied to the bourgeoisie, even arguing against expropriation in this specific case:

If nationalisation of the banks is so often confused with the confiscation of private property, it is the bourgeois press which has an interest in deceiving the public... Whoever owned fifteen rubles on a savings account would continue to be the owner of fifteen rubles after the nationalisation of the banks; and whoever had fifteen million rubles would continue after the nationalisation of the banks to have fifteen million rubles in the form of shares, bonds, bills, commercial certificates and so on.⁹

The purpose of nationalization was to oversee the financial and economic processes, the actual collection of personal income taxes, etc. Lenin contrasted reactionary-bourgeois regulation to revolutionary democratic regulation, with bottom-up control, with whose limitations he soon came face-to-face. He had already stipulated that the construction of the most modern heavy industry would require state-of-the-art technical-technological progress, to apply “much of what is scientific and progressive in the Taylor system; we must make wages correspond to the total amount of goods turned out, or to the amount of work done by the railways, the water transport system, etc., etc.” Lenin thought that the feasibility of socialism depended on the successes that could be achieved in the field of “combining Soviet power and the Soviet organisation of administration with the up-to-date achievements of capitalism.”¹⁰ Apart from the cooperation and competition of economic sectors and modes of production, Lenin also spoke about the “competition of communes,” and etched out its moral driving forces more clearly than its material and economic bases. In contrast to the “allowances” made to market and financial conditions and the “bourgeois cooperatives,” the “socialist state can arise only as a network of producers’ and consumers’ communes, which conscientiously keep account of their production and consumption, economise on labour, and steadily raise the productivity of labour, thus making it possible to reduce the working day to seven, six and even fewer hours.”

Lenin had taken note of this, and by the spring of 1918, famine ravaged the cities. On his initiative, the Council of People’s Commissars introduced the “dictatorship of state subsistence,” the formation of the poor peasant committees. Many writers tend to wax theoretical about these spontaneous measures, as if Lenin had ventured upon these in line with a concept he had invented earlier; on some theoretical basis; or even with the assumption that some sort of special socialism or theoretical model could be erected on the basis of these actions. In fact, a political turn was outlined in May 1918, leading from a state-supervised mixed market economy to a dictatorship of state subsistence that swept spontaneously toward war communism. The latter, in the beginning, was determined and validated by the internal armed counterrevolution and interventionist military attacks.

⁷ On this, see for example: Dmitrenko V.P. *Sovyetskaya ekonomicheskaya politika v pervie godi proletarskoy diktaturi* [Soviet economic policy in the first years of the dictatorship of the proletariat]. Moscow: Nauka, 1986. P. 21–29.

⁸ Production for the market and directly for state requirements raised the issues of disciplined work and remuneration. The Council of Labor Unions introduced strict rules of conduct at state-owned enterprises in April 1918, and after the October Revolution performance-based pay replaced work hours-based pay, meaning that a quarter of the workers at the companies in Petrograd received performance-based pay by July. LCW. Vol. 27. P. 583. See also: *Szamuely L. Az első szocialista gazdasági mechanizmusok. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. Budapest, 1971; Krausz T. Szocializmus-képek a huszas években. Átmeneti korszak és szocializmus // Világosság. 1984. № 4. P. 202–210.*

⁹ LCW. Vol. 25. P. 330.

¹⁰ *Ibid.* Vol. 27. P. 259.

On the other hand the conditions of war communism brought the notions of “transitional period” and “socialism” too close to each other in theoretical terms. Bukharin and Preobrazhensky’s *The ABC of Communism* gave a theoretical basis to the conflation of war communism (as a relatively integrated sequence of economic policy measures) and the realization of socialism as such. The work was a curious mixture of the mutually exclusive ideas of Soviet labor self-government and state socialism. These two famous Bolshevik writers attempted to “translate” the Marxist conception of socialism into the reality of war communism. It was as if the first stage of communism, the realization of socialism, was coming into a state of full development, and was able to transcend commodity and finance relations thanks to both unprecedented inflation and the forced measures of war communism:

But it is perfectly plain that we cannot believe State capitalism to be possible unless we also believe in the possibility of the socialist organization of economic life. The only difference between the two systems lies in this, that in one case industry is organized by the bourgeois State, and that in the other case it is organized by the proletarian State.¹¹

Left unexplained was that the matter does not simply rest on state power, for in war communism the state as a military force of authority, as a “deterrent to class enemies through dictatorial” power, acted as the mainspring of the economy. This had no roots in any form of Marxist theoretical tradition from Marx’s own time, and even contradicted his period’s idea of socialism. Lenin was not so naive as to identify war communism with “complete socialism,” for he continued to believe that “as long as workers and peasants remain, socialism has not been achieved”.¹² Moreover, he never deduced the concept of equality theoretically from the reality of war communism, using it only to refer to eliminating social class in economic terms, a final and indispensable requirement of the liberation from capital and achieving freedom. Lenin’s real theoretical mistake in 1919–1920 was that he overestimated the possibilities of socialization, of social supervision within the framework of nationalization, and underestimated the inveteracy of the market and money in a regulating role, a fact he later recognized. The “atmosphere” of the epoch, the romantic attitude of the civil war, was also expressed in war communism’s compulsory egalitarianism. The roots of this “primitive” egalitarianism ran deep in Red Army units and partisan brigades engaged in life-and-death combat with the Whites – a phenomenon picked up by innumerable literary works and films. War communism also influenced theory, which interpreted the “system” as socialism, despite that being suggestive of an anachronism – especially in light of the famous thesis of the “semi-state” in *State and Revolution* (which can be traced back to Marx). There, Lenin was already engaged in a polemical attack on what was a conceptual muddle. He used Engels’ critique of the draft program of Erfurt, which he had handed over to Kautsky in 1891, who published it a decade later in *Neue Zeit*. This is interesting because the “opportunist wing” of the social democrats had already suggested that the state, in itself, might be able to consolidate socialism. This line of thought incorporated the increased role of the state in modern capitalism. Lenin mentions the concept of “state socialism,” opposed to the revolution and revolutionary socialism, inasmuch as the role of socialism is defined in opposition to the state.

War communism’s focus was on the consolidation of the new military-power hierarchy under civil war conditions, even though it simultaneously exacerbated the economic situation. Meanwhile, Lenin held that socialism, as a system that had reached completion, would only be composed of voluntary associations of economic-productive communities organized from below. It was still a state, though, for “there remains for a time not only bourgeois law, but even the bourgeois state, without the bourgeoisie” in order to defend the “equality of labor” and public property.¹³ Lenin differentiated between state and social property even at its inception; before the introduction of war communism,

¹¹ Bukharin N., Preobrazhensky E. *The ABC of Communism* / Translated from the Russian by Eden and Cedar Paul. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1969. P. 209; in Russian: Bukharin N., Preobrazhenskiy Y. *Azbuka kommunizma*. Petersburg: Gosizdat Peterburg, 1920. P. 123–125.

¹² LCW. Vol. 30. P. 506.

¹³ LCW. Vol. 25. P. 471.

he believed that the productive classes would themselves have to create socialist conditions. War communism was, however, a consistent system of compulsory state-military measures; according to some writers it carried certain traits of the state economic policy of “German war socialism.” Lenin kept the formative theory in sight even while making his most propagandistic political speeches, indicating that until his last day he continued to view the history of the revolution through the lens of Marxist theory (as reconstructed by him).¹⁴ Until March 1919, Lenin did not even use the term war communism, and did so afterward mostly in quotation marks. This means that, not just had Lenin not planned “war communism” in either theory or practical political terms, but also that the war communist measures only “coalesced” into a system much later, by the summer of 1919. The “naturalization” of production and distribution, along with the introduction of the ration system and the persecution of private trade, were not a priori economic measures, but sprang from immediate political and social needs.

NEP vs. war communism – irreconcilable contradictions

Just as war communism was not the application of a theory, neither was the NEP the experiment or exercise of one. The Soviet government implemented both war communism and the NEP under the pressure of concrete circumstances, requirements, and needs – without foreseeing its internal or international effects. In both cases their ideologies – the theoretical justification of the “systems” – were developed either parallel to their introduction, or as a follow-up (though war communism incorporated a number of elements from German war economic policy, and the NEP included elements from the “market economy” of the winter and spring of 1918). The NEP meant substituting militarized production – including the ration system, strict state distribution, and the compulsory appropriation of grain – with money and market conditions, reinstating free trade and introducing taxes in kind. Often forgotten is that, at the same time, the partial reinstatement of capitalist conditions entailed a general social transformation, a restructuring of social classes and groups, and a change in their relationships.

The introduction of a market economy and direct democracy – broadening “workers’ democracy” – also proved to be a contradiction that could not be bridged. Significant segments of the laboring masses became tired of the sacrifices they were called upon to make and were demanding a “loosening of the bolts,” but very few were in possession of the skills required for direct democracy. Lenin later expressed the necessity of the NEP, neatly and self-critically summarizing it at the 11th Party Congress in the spring of 1922: “We must organise things in such a way as to make possible the customary operation of capitalist economy and capitalist exchange, because this is essential for the people”.¹⁵ One of the main trends of the current historical literature¹⁶ emphasizes the capitalist market characteristic of the NEP, but also that – with its well-known measures permitting rural wage labor from 1922 onward – the Soviet state integrated social conflicts into the as yet not fully formed “web” of Soviet society, which later threatened instability and inner combustion, and finally had a major role in the later defeat of the NEP.

¹⁴ Lenin could not have known that under the decades of “state socialist” and “existing socialist” rule hordes of writers who considered themselves Marxists would mix-and-match state and social property together – arm in arm with the (neo)liberals and neoconservatives. Not to mention the false explanations that have come to the fore since the collapse of state socialism, the most typical and common of which is state socialism being called “communism.”

¹⁵ See: Lenin’s speech at the 11th Congress in March 1922 // LCW. Vol. 33. P. 279.

¹⁶ Studies, books, and publications of sources related to the NEP can hardly be followed in recent years. See among more recent works the book under the name of A.N. Yakovlev, and written by colleagues, which contains an extensive large collection of material, *Rossiia nepovskaya* (Moscow: Noviy hronograf, 2002).

The period of transition – “state capitalism”

The concept of state capitalism is used in two senses here: on the one hand as a sector of a mixed market economy. On the other it is a term from formation theory denoting the economic method and arrangement for the transitional period and seen as a phase of it. It is a type of “state capitalism,” in quotes, that cannot be found in “any textbooks,” “nor in the writings of Marx and Engels”.

“Soviet state capitalism” – the way Lenin thought of it, and the party congress declared it – was intended to establish the political and cultural preconditions of socialism. This was a matter of serious contention between Lenin and the Mensheviks, Western social democrats, liberals, and others, who doubted the “reasonability of the Bolshevik experiment” while remaining insensitive to its uniqueness. Lenin saw himself as the representative of a historical alternative, in circumstances in which no other reality had materialized on the left. He repeatedly said the originality of the Russian Revolution was that the prerequisites of socialism came into existence not before it – but after.

The theory of socialism and its systemic coherencies

Though the NEP had been “made to last,” theoretical socialism was never struck off Lenin’s agenda, even under the everyday circumstances of market restoration. As he explained it: “Formerly the stumbling block for very many socialists” was how to first subordinate the “concession to the peasant as a trader, or to the principle of private trade,” “for the sake of common interests” only to come around once again in the process to the cooperative as a solution. Though he knew that thinkers and politicians who had been nursed by the market and state looked down upon cooperatives, even “from the standpoint of transition to the new system by means that are the simplest, easiest and most acceptable to the peasant.” He knew that incorporating the whole population in voluntary cooperatives of production and consumption would take an epoch to realize – precisely on account of the absence of the cultural-civilizational preconditions – and yet he insisted on posing this problem.¹⁷ The precise relationship between cooperatives and socialism that Lenin had in mind becomes clear in the light of his whole approach, the complete coherency of his thoughts. The cooperatives, as he wrote, are the products of capitalism; they are “collective capitalist institutions” in which the future of socialism can be glimpsed. Producers have the opportunity to shape the cooperatives in their own image in the course of a revolutionary reform of state power, similarly to how in the NEP, “when we combine private capitalist enterprises ... with enterprises of the consistently socialist type ... the question arises about a third type of enterprise, the cooperatives, which were not formally regarded as an independent type differing fundamentally from the others.” He spoke about the possibility of coexisting state socialist and cooperative socialist enterprises, though a differentiation between the two forms of cooperative, state and self-governed, would come due.¹⁸ By the mid-1920s, nearly 10 million people had been pooled into state-organized and state-subsidized consumer cooperatives. Lenin marked out explicitly that a shift must be made from the interpretation of socialism previously reached (war communist, state powered, and politicized) to the position of “cooperative socialism”:

Now we are entitled to say that for us the mere growth of cooperation ... is identical with the growth of socialism, and at the same time we have to admit that there has been a radical modification in our whole outlook on socialism. The radical modification is this; formerly we placed, and had to place, the main emphasis on the political struggle, on revolution, on winning political power, etc.

¹⁷ “The cooperatives must be granted state loans that are greater, if only by a little, than the loans we grant to private enterprises.” (The cooperative order as socialism.) “But it will take a whole historical epoch to get the entire population into the work of the cooperatives through NEP.” See: *Lenin V.I. On Cooperation // LCW. Vol. 33. P. 469–470.*

¹⁸ *Ibid.* P. 472–473.

Now the emphasis is changing and shifting to peaceful, organizational, “cultural” work. I should say that emphasis is shifting to educational work, were it not for our international relations, were it not for the fact that we have to fight for our position on a world scale.¹⁹

Of course he treated the outlook for real socialism very cautiously on account of the “ridiculously inadequate elements of knowledge, education and training.”

The most comprehensive modern theory of socialism has been published by István Mészáros, who ties his work on capital to the theoretical fundamentals of Marx and Lenin, and links his concept of socialism, not to the concepts of market production, but both looks for and defines these concepts beyond the market and the state – “beyond capital,” in short. The first generation of Soviet ideologues, including Lenin, defined the difference between the state capitalisms under the reign of capital and the dictatorship of the proletariat in that they wielded power in the name of a different class. They consolidated different modes of distribution and ownership, with a preference for different cultural values, marking out different political goals for society. Lenin limited the direct socialist exchange of goods (following war communism) to the state-socialist sector, its fate hanging by the market competition that connected to the capitalist sectors of the NEP and the “state-regulated buying and selling, to the money system”.²⁰ Contrary to Lenin, Bukharin often defined this “state economy” as socialism, in both the *ABC* he wrote with Preobrazhensky, and in his *Economics of the Transition Period* (*Ekonomika perekhodnogo perioda*). This definition of socialism as state socialism transitioned directly – leaving Lenin out – to the ideological medium of the Stalinist period.

Lenin outlines four potential courses of development during the “state capitalist” phase of the transitional period, which also explains why such a wide variety of movements, both inside and outside of Russia, refer to his ideas. Three of these possibilities remained aligned with the conceptions of socialism (the fourth being the Ustryalov scenario of reversion to capitalism). In the course of time, the three basic trends could be observed not only in political thought and factional struggles, but also in historiography:

1. Intellectual groups, politicians, and thinkers who considered the multisector economy (defined by a state-regulated market and the state overseen by society) of the NEP as socialism – later identified as “market socialists” – who took their inspiration from the late work of Bukharin, although he never actually called a market economy “socialism” (despite counting on the market economy continuing for a long time, even if differently from Lenin).²¹

2. Stalin and his followers who were called, in this sense, “state socialists” – although it was Lenin who was proclaimed the progenitor of the market reforms of socialism in 1951. In the 1980s, this trend finally merged with the market socialists,²² who had earlier been designated “revisionists.” István Mészáros gives a generous summary of the characteristics of market socialism’s nature. Most importantly he unmasks the common motives of social democratic thinking and the Stalinist tradition in their similar “superstitious” way of relating to state and

¹⁹ LCW. Vol. 33. P. 474.

²⁰ Ibid. P. 96.

²¹ Such a historical interpretation of Lenin can be found in a number of recent publications, among them: *Burtin Y.* Drugoy sotsializm / Almanakh “Krasniye holmi”. 1999. P. 411–511; as well as *Ivanov Y.M.* Chuzhoy sredi svoih: Posledniye godi zhizni Lenina. Moscow, 2002.

²² Two of my works, both in English, address the transformations “market socialism” went through over historical time. See: *Krausz T.* Stalin’s socialism. Today’s debate on socialism: theory, history, politics // *Contemporary politics*. Vol. 11. № 4 (Dec. 2005). P. 87–106; *Krausz T.* Perestroika and the redistribution of property in the Soviet Union: political perspectives and historical evidence // *Contemporary Politics*. Vol. 13. № 1 (March 2007). P. 3–36; as well as, in Hungarian: *Krausz T., Bíró Sz. Z.* A peresztrojka és tulajdonváltás. Politikai koncepciók és történelmi valóság // *Peresztrojka és tulajdonát helyezés. Tanulmányok és dokumentumok a rendszerváltás történetéből a Szovjetunióban* (1985–1991). Budapest: MRI, 2003. P. 52–102; *Krausz T., Tüttő L.* Válaszúton [Crossways] // *Politikatudományi Füzetek*. 1998. № 7.

market. Both camps positioned themselves rigidly in opposition to the conversion of state property into communal property. Both the traditional forms of labor division and the power of disposing of surplus value remained within the scope of the detached apparatus. Every experiment that tried to reform this was undermined by the leaders of that party, even though Lenin had founded it with exactly the opposite aim. Though the later forms of market socialism were advertised as reformed state socialism, the first (market socialism) proved to be an evolved state of the second (state socialism), which in the end led to capitalism.²³

3. The conception of socialism founded on autodynamic – self-generating – and needs-based production, direct democracy, cooperative ventures, and the “cooperative system” of producer and consumer collectives, traces back to Lenin’s way of thinking and has a rather extensive historiography to its credit.²⁴

²³ See: *Mészáros I.* Beyond Capital. London: Merlin Press, 1995. P. 823–850.

²⁴ Apart from István Mészáros’s work, this tradition is also honored in part by the Trotskyist heritage in Western Europe, in part by the Russian “self-governors” who are gathered largely around the journal called *Alternativu*, which is related in its positions to the Hungarian journal *Eszmélet*. See also: *Krausz T., Tüdő L.* Önkormányzás vagy az elitek uralma [Self-government or the reign of the elites]. Budapest: Liberter Kiadó, 1995 and *Бламсозциализм*. Trotsky, who defended state property as the precondition of socialism even in the 1930s, was later the recipient of sharp criticism from Marxists as well, for becoming a protector of Stalinism. These critics forgot that Trotsky’s precise notion was that it will be easier to socialize Soviet state property in a “revolutionary turn”, than if the bureaucracy and capital alienates state property from those who created it by way of private expropriation. For more on this, see: *Krausz T.* Szovjet Thermidor: a sztálini fordulat szellemi előzményei (1917–1928). Napvilág, 1996. P. 227–230.

Революции 1917 г. в России – анализ и оценка качественных трансформаций общества

Ананченко А.Б.

Аннотация. Понимание исторического места революций 1917 г. в России необходимо для формирования позитивного исторического самосознания нашего общества. Февраль 1917 г. – классическая буржуазная революция нового времени. Октябрь 1917 г. – новая социально-политическая революция, которая не завершает формирование нового общества, нового социально-экономического организма, а впервые в истории начинает создание такого общества с захвата политической власти в стране и создание нового общества на основе мировоззренческого, философского, экономического, культурного и социально-политического проекта. С Октября 1917 г. мы можем говорить о вариативности исторического процесса, о строительстве нового общества, создании и применении технологий социального управления.

Ключевые слова: революция, политическая революция, прогресс и регресс в развитии общества, историческое место советского общества, альтернативный тип буржуазному обществу, архаизация общества, естественно-исторические процессы, технологии управления социально-политическими процессами.

REVOLUTIONS OF 1917 IN RUSSIA – ANALYSIS AND EVALUATION OF THE QUALITATIVE TRANSFORMATIONS OF THE SOCIETY

Ananchenko A.B.

Absrtact. Understanding the historical place of the revolution of 1917 in Russia is necessary for the formation of a positive historical identity of our society. February 1917 – the classic bourgeois revolution of the new time. October 1917 is a new socio-political revolution that does not complete the formation of a new society, a new socioeconomic organism, but for the first time in history begins the creation of a new society with the seizure of political power in the country and the creation of a new society based on ideological, philosophical, economic cultural and socio-political project of a new society. From October 1917 we can talk about the variability of the historical process, the construction of a new society, the creation and application of social management technologies.

Keywords: revolution, political revolution, progress and regress in the development of society, the historical place of Soviet society, an alternative type of bourgeois society, the archaization of society, natural history processes, technology management of socio-political processes.

Хочу поздравить всех со 100-летним юбилеем Октябрьской революции!

Хочу выразить искреннюю благодарность всем участникам и организаторам Международной научной конференции «Революции в России: теория и практика социальных преобразований».

Конечно, мы выражаем благодарность прежде всего нашему Московскому педагогическому государственному университету, его ректору, профессору, члену-корреспонденту РАО, д.и.н., профессору **Алексею Владимировичу Лубкову** за поддержку, помощь и содействие в проведении конференции.

Хочу поблагодарить всех коллег из нашего Института истории и политики МПГУ, которые активно участвовали как в организации, подготовке нашей конференции, так и многие из них будут выступать на ней с научными докладами.

Хочу поблагодарить инициатора и активного организатора конференции – Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций; **Салавата Мидхатовича Исхакова** – заместителя председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН.

Мы выражаем благодарность нашим партнерам по организации и проведению конференции – Фонду «История Отечества», выделившему специальный грант для ее проведения.

Мы хотим поблагодарить всех наших коллег, друзей и союзников, добровольцев, помогающих в проведении этой конференции.

Надо сказать и о **значении, актуальности нашей конференции**. В 2017 г. уже прошло множество конференций, круглых столов, других научных и публичных мероприятий, посвященных этому событию, и множество еще состоится. Огромное количество материалов по истории революции 1917 г. появилось в СМИ в течение этого года, но очень мало понимания есть в обществе. Бывает так, что научные мероприятия не только не дают обществу приблизиться к пониманию наших революций начала XX в., но еще больше затрудняют такое понимание. Миссия нашей конференции – если и не решить, то, может быть, ясно поставить, сформулировать, обозначить базовые мировоззренческие, концептуальные и теоретические проблемы понимания русских революций 1917 г., их исторического содержания и места. Задача у нас простая – приблизиться к ясности, к пониманию, сделать шаг, не упрощая. Хотя бы для себя, для тех, кто профессионально занимается изучением этих проблем, для участников конференции.

Понимание русской революции – это не простой ответ, не простое определение, а целый *набор мировоззренческих, теоретических, концептуальных, исторических, историографических, методологических и конкретно-исторических проблем* исторических исследований процессов развития России, процессов формирования, создания в нашей стране современного индустриального и постиндустриального общества.

Сегодня есть существенные научные проблемы в изучении и оценке русских политических революций 1917 г. Проблема оценок революции может быть основана на понимании исторического процесса и его закономерных этапов, или на тех ценностях, которые люди считают главными в эпоху изучения революции или в эпоху ее осуществления. Для нас чрезвычайно важно дать понимание исторического места Октябрьской революции 1917 г., дать понимание новой эры исторического развития не только России, как нам представляется, но и всего мира. Понимание исторического места наших революций 1917 г. позволяет дать характеристику нового советского общества.

Сегодня мы подошли к 100-летию Октябрьской революции, но общепринятые оценки не сложились ни в науке, ни в обществе, ни в стране, ни в мире. Существует многообразие оценок, и в том числе распространено желание приуменьшить значение этого явления или сделать его как бы частью другого процесса, объединить с другими событиями и процессами, тем самым сняв и вопрос оценки, вопрос сущности явления. Важно, какие мы цели при этом преследуем и достигаем – понимание, изучение реальности и получение выводов как результат таких исследований или решение каких-то текущих идеологических задач.

Разнообразие оценок нашей революции, желание рассматривать ее национальной, или этнической, только русской, лишить ее всемирно-исторического характера, или миссии, как выражаются наши западные партнеры, говорит не столько об Октябрьской революции, сколько о глобальном кризисе и перепутье нашего сегодняшнего мира. В том числе это свидетельство кризисного этапа как исторической науки, так и всего социально-гуманитарного знания.

Для нас важен 100-летний юбилей русской революции как способ исторического, концептуального осознания своей истории, исторического самосознания общества. Кроме того, юбилей революции – это и возможность попытаться соединить нашу историю в единую позитивную историческую цепь, позволяющую понимать историческую роль российского общества не только в прошлом, но в настоящем и будущем.

Оценки Октябрьской революции сейчас существуют самые разнообразные, бывает, необоснованные, несопоставимые и основанные на непроизносимых концептуальных основаниях истории как реального процесса, истории как нашего понимания такого процесса и даже на различающихся гносеологических и методологических основаниях.

Именно в оценке и трактовке Октябрьской революции господствует сегодня эклектика как главный метод исследования. И это совсем не случайно. Когда-то эклектика появилась как главный метод исследования в позднегреческой философии, как показатель ее упадка и разложения, как попытка заменить реальное решение проблем их формальным разрешением. Вершиной эклектики стала средневековая схоластика как господство формы и формальных процедур в понимании и в обсуждении проблем над реальным предметом, над истиной. А можно сказать, что истина понималась как субъективная убедительность Слова, а не совпадение идеального с реальным.

Эклектика – это попытка охватить и учесть все, выбросив самое главное – реальность, определяющее. Гармония видимости вместо истины реальности, ее противоречий, противоположностей.

В современных российских исследованиях и политических выступлениях можно выделить несколько популярных оценок Октябрьской революции:

- Октябрьская революция – часть Великой российской революции 1917 г., включающей в себя два этапа – Февраль и Октябрь;
- революция как насильственный захват власти;
- политический переворот;
- неудачный социальный эксперимент.

Соединение Февральской и Октябрьской революций в одно целое в формулировке «*Великая российская революция 1917 года*» – это попытка снять содержательные вопросы их исторического и социального места, это снятие понимания сущности происшедшего, замена проблем научного понимания компромиссом бессодержательных оценок. Формулировка «Великая российская революция» объединяет эти процессы по формальным признакам последовательности и места и компромисса признания «великой».

Сама эта новая формулировка пыталась выполнить задачу формирования (создания) со стороны исторических научных учреждений нового отношения к нашим революциям 1917 г. Но научные учреждения сегодня часто не являются определяющими при формировании национального исторического сознания, его содержания, оценок исторических событий и эпох.

С оценкой событий 1917 г. как «великой» российской революции 1917 г. вряд ли кто-то будет спорить. Но за этой новой формулировкой стоит попытка снять как научные, так и общественные, политические проблемы за счет схоластики. Политические революции, как правило, включают в себя политические перевороты в качестве составной части.

Была ли Октябрьская революция политическим переворотом, как ставят ей в вину некоторые исследователи? Конечно, была, но это не отменяет того, что это политическая револю-

ция. Открою даже «тайну», что она включала в себя еще целый ряд политических переворотов, кроме самого Октября.

Государственные перевороты, правда, не всегда часть политической революции. Из нашей отечественной истории мы тоже знаем, как это бывает в жизни, – например, тот самый знаменитый XVIII в., эпоха государственных переворотов. Но бывает иначе, и политические перевороты становятся частью революции, ее необходимой частью принципиальных изменений политической системы государства, всего общества. Можно вспомнить классические революции во Франции, Англии или совсем недавние государственные перевороты в нашей истории – например, декабрь 1991 г. в Беловежье или сентябрь – октябрь 1993 г.

Была у нас сейчас попытка дать оценку Октябрьской революции в первую очередь *как насильственного неправового захвата законной власти*. Конечно, суть революций вовсе не в *насильственном* захвате власти. Да и вопрос о власти – это «вопрос» только политической революции. А к ней вся революция в обществе не сводится. Социальные революции – это переход от одного общества к другому, процесс рождения, появления нового общества и умирания старого.

«Неудавшийся социальный эксперимент» – так часто называют Октябрьскую революцию и советское общество, правда, используя такое понимание не как границы содержательного анализа этого процесса и истории, а прежде всего как оценочный образ. Но даже в этом образе можно было бы отметить и специально проанализировать негативное содержание этого «эксперимента» и причины, по которым весь XX в. прошел в мире под его влиянием, в том числе и за границами его осуществления. И сегодня это еще не законченная история. Вспоминаем Китай и другие страны, использующие в той или иной степени этот социально-экономический, политический, идейный и духовный проект и его результаты.

Конечно, есть еще один важный момент в понимании процесса формирования и развития советского общества, фиксируемый словом «эксперимент». Это то, что новое общество появилось не естественно-исторически, как было до этого. Новое советское общество формировалось на основе определенных представлений – учения, как называли это мировоззрение: понимания общественного развития, настоящего и будущего общества, направления развития общественной истории, главного в развитии, главного в человеке и для человека. Новое общество не появлялось, а создавалось как результат понимания и действия определенных политических сил.

В национальной культуре Октябрьская революция стала синонимом отношения к прогрессу и регрессу, объединению человечества и к проблеме безгосударственного будущего нового века.

В культуре сегодня сосуществуют формы выражения двух основных направлений развития нашего мира – прогресса и регресса. Культурой регресса, архаизации, ее образом-мечтой является фэнтезизация нашего мира, его ценностей, надежд и стремлений, дегуманизация и «ужасизация» инопланетных цивилизаций как синоним безусловного Зла проекта прогрессивного будущего. Культурой же прогресса остаются гуманистическая и социальная фантастика, мировые религии, классическая культура и ее ценности.

В общественном мнении *формой архаизации исторического сознания* выступает идеализация дореволюционной России, превращение страны на *начальном этапе социальной революции* перехода к индустриальному обществу в *идеал, камертон и образ* нашего будущего развития. Таким образом, сознательные образы будущего не обсуждаются, но формируется в культуре подсознательный *образ будущего как доиндустриального прошлого*, т.е. исторический вариант фэнтези может стать культурным ориентиром нашего настоящего. Было ли так уже в истории? Было. Например, когда на смену объединениям людей в племенах и союзах племен стали приходить государства, превращающие племенное прошлое в светлый образ настоящих человеческих и родственных отношений.

Еще раз обращу внимание, что для современной России – страны, переживавшей в конце XX в. эпоху социальной революции перехода к постиндустриальному обществу, где деятельность по внешнему принуждению, пусть экономическому, работа, начинает вытесняться деятельностью, основанной на самоосуществлении, творчестве, на игре, – *образы будущего* рисуют для такой страны в *историческом пространстве только формировавшегося индустриального мира дореволюционной России*. Если совсем просто сказать, то образы прогресса заменяются на образы регресса, на исторические фэнтези, *регрессивной культурной революции*. Предпринимается попытка заменить национальную идею будущего на мифологию прошедшего, проект – на былинку.

Революции в обществе и их понимание у нас в науке часто перенимаются из публицистики, из общественных стереотипов, снимая научные проблемы консенсусом обыденного понимания и отношения.

Конечно, есть ряд проблем в гносеологии, которые заложены стереотипами советского вульгарного диамата. Например, так называемые антагонистические противоречия. Диамата уже нет, а их употребляют, при этом как бы посмеиваясь над этими утверждениями, которые использовались в советском обществоведении и историческом познании, но были далеки как от самого классического марксизма, так и от реальности.

Чтобы продемонстрировать, о чем я говорю, напомним, что у нас было (и часто сохраняется) понятие «антагонистические противоречия», которое характеризовало наличие непримиримых противоречий классов в обществе, различие между так называемыми эксплуатирующими и эксплуатируемыми классами.

Напомним, что при анализе различных систем выделяются элементы (*противоположности*), из которых состоит система, и связи (*противоречия*) между элементами этой системы. Обращу ваше внимание также на то, что элементы и связи – это не одно и то же. Также обращу внимание на то, что в оригинале марксистских произведений, откуда был сделан перевод «антагонизмов», речь идет не о противоречиях и отношениях, а именно об элементах системы и о том, что они не совпадают. Важно ли это? Может быть, и не очень, но это важно для того, чтобы понимать некоторые прошлые тексты, некоторые придуманные тезисы нашего прошлого и причины, по которым они были придуманы.

Казалось бы, формальная и почти схоластическая проблема. Да какая разница? А тем более сегодня? Но за этой «схоластической» проблемой стоит проблема анализа сущности советского общества и тех причин, которые в конце концов заставили советскую элиту попробовать выбрать другие социальные идеалы и ценности.

Выделение двух типов противоречий – антагонистических и неантагонистических – было своеобразной схоластической формой снятия анализа реального строения советского общества, его социальных и политических проблем. Это попытка уйти от анализа сущности советского общества, от его понимания.

Когда-то в 1919 г. в работе «Великий почин» **В.И. Ленин** выделил существенные признаки общественных классов, которые и сегодня сохраняют значение при анализе социальных систем:

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их *месту в исторически определенной системе общественного производства*, по *их отношению* (большей частью закрепленному и оформленному в законах) *к средствам производства*, по *их роли в общественной организации труда*, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря *различию их места в определенном укладе общественного хозяйства*.

Ясно, что для **полного уничтожения классов** надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще

и всякую частную собственность на средства производства, надо *уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда* (здесь и далее выделено мной. – А.А.)»²⁵.

Важным в этом определении классов, которые являются господствующими в обществе, является всем известный признак – *«отношение (большой частью закрепленное и оформленное в законах) к средствам производства»*. Но есть и еще один существенный признак, который выявился уже в зрелых формах советского общества – *«роль в общественной организации труда»*, т.е. превращение *главной роли* в государственном, общественном, экономическом *управлении* в профессиональную деятельность выделяло их в новый господствующий класс – бюрократию.

Понимание *социального строения советского общества* важно для понимания исторического места этого общества, причин его успехов и неудач, достижений и проблем, ограничений в развитии и открытых для него исторических возможностей, причин перехода бюрократии на позиции регрессивной социальной революции во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., отказа от идеологии прогресса.

Таким образом, мы подошли к проблемам *исторического места Октябрьской революции, советского общества* и вариативности истории, стадий.

Советское общество претендовало на то, что оно является постбуржуазным, социалистическим. Оставался вопрос, как может появиться новое общество на этапе формирования предыдущего, на этапе перехода к прошлому обществу, на этапе прошлой социальной революции?

Возможность начать строительство (*появляется новый термин «строительство» для обозначения сознательных социальных изменений*) нового общества, социализма, взяв власть в предыдущую историческую эпоху, – принципиальное отличие русской революции от предшествующих революций, которое отстаивал В.И. Ленин, когда спорил о возможности «обратного» типа революции, начиная с завоевания политической власти:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный “уровень культуры”, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то **почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня**, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы.

16 января 1923 г.

Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли **сначала создать такие предпосылки** цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные *видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?*»²⁶.

Собственно, эти отличия отношения к историческому процессу и возможность субъективно, сознательно, целенаправленно повлиять на него различают концептуально классический марксизм и ленинизм, а политически меньшевизм и большевизм.

²⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 15. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uaio.ru/vil/39.htm#psoder> (дата обращения: 01.10.2017).

²⁶ Ленин В.И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 381. [Электронный ресурс]. URL: <http://revarchiv.narod.ru/vladimilitch/lenin45/suhanov.html> (дата обращения: 02.10.2017).

Таким образом, *классические политические буржуазные революции* перехода к индустриальному обществу происходили уже на завершающей стадии формирования нового общества, на завершающем этапе буржуазной социальной революции. Буржуазные политические революции только завершали процесс перехода от одного общества к другому, процесс социальной революции. В русской революции Октября 1917 г. это было иначе. Сначала революционеры захватывают политическую власть и только потом начинают формировать, создавать новое общество, предпосылки для этого нового общества. Это одно из принципиальных отличий формирования советского общества и его политической системы от появления классических буржуазных индустриальных обществ. Советская политическая революция не завершает, а начинает социальную революцию перехода к советскому индустриальному обществу.

Становление конкретно-исторической политической системы Советской России – СССР заняло поэтому, как нам представляется, достаточно длительный исторический период, начало которому положила Февральская революция 1917 г. и появление Советов в качестве центральных и местных организаций, выполняющих часть функций государственного управления. Верхней же границей этого процесса стала, на наш взгляд, вторая половина 1930-х гг., когда произошло достраивание, встраивание, подчинение всех элементов политической системы новой государственной системе. Важными вехами завершения процесса советской политической революции стали принятие Конституции 1936 г. и репрессии революционной элиты.

Российская революция 1917 г., Октябрьская революция стоит в одном ряду с двумя другими великими классическими революциями перехода к индустриальному обществу, процессами модернизации обществ: английской и французской революциями.

Но Октябрь 1917 г. существенно отличался от других социальных и политических революций формирования индустриального общества. Русская революция – это антибуржуазный политический переворот, начало социально-политической революции формирования в России и мире индустриального, исторически *альтернативного буржуазному советского типа общества*.

Советское общество – это *альтернативное буржуазному индустриальное общество ускоренного социально-экономического развития, позволяющее сохранить историческую субъектность в условиях борьбы за всемирный проект объединения человечества*. Советское общество – это классовое общество (*если характеризовать его в рамках концепций, связывающих выделение социальных групп людей с их отношением к средствам производства и их местом в общественном разделении труда*), где основные средства производства находятся в коллективном распоряжении партийно-государственной бюрократии.

Февраль 1917 г. – классическая буржуазная революция нового времени. Октябрь 1917 г. – новая социально-политическая революция, которая не завершает формирование нового общества, нового социально-экономического организма, а впервые в истории начинает создание нового общества с захвата политической власти в стране и создание нового общества на основе *мировоззренческого, философского, экономического, культурного и социально-политического проекта нового общества*. С Октября 1917 г. мы можем говорить о вариативности исторического процесса, о строительстве нового общества, создании и применении технологий социального управления.

Октябрьская революция в России и проблема пропуска формаций: историко-теоретический анализ

Астахов М.В.

Аннотация. Работа посвящена анализу проблемы пропуска формации в результате Октябрьской революции в России. Общество – это социальный организм. Он способен пропускать те фазы, которые в определенных условиях оказываются для него исторически бесперспективными и не обеспечивают прогрессивного социального развития.

Ключевые слова: Октябрьская революция, формации, феодализм, капитализм, социализм, производительные силы.

THE OCTOBER REVOLUTION IN RUSSIA AND THE PROBLEM OF CROSSING STRUCTURES: THEORETICAL ANALYSIS

Astahov M. V.

Abstract. The work is devoted to the analysis of the problem of missing formation as a result of the October revolution in Russia. Society is a social organism. It is able to skip those phases that in certain conditions turn out to be historically unpromising and do not provide progressive social development.

Keywords: October revolution, formations, feudalism, capitalist, socialism, productive forces.

Октябрьская революция в России 1917 г., или, как побуждают нас говорить сегодня, Великая российская революция, и спустя 100 лет продолжает стоять в центре острых политических и научных дискуссий как в современной России, так и за рубежом. Не столько новые факты, сколько теоретическое объяснение Октябрьской революции и ее аспектов вызывают пристальное внимание исследователей. К ним, на наш взгляд, следует отнести проблему пропуска формации в результате Октябрьской революции в России. Эта историко-теоретическая проблема существует лишь в рамках одного теоретико-методологического направления современной отечественной историографии – системного подхода, который развивает диалектико-материалистическое понимание исторического процесса, разрешая выявленные в нем противоречия и проблемы.

К. Маркс, опираясь на достижения европейской философской, социологической и исторической мысли второй половины XVIII – первой половины XIX вв., и в первую очередь – осуществленный переход в понимании от кругооборота истории к ее линейному развитию (древняя история, средневековье, новое время), выработал формационную теорию, в основе которой лежит понимание исторического развития общества как закономерной, объективно обусловленной смены восходящих общественно-экономических формаций, то есть таких типов общества, которые отличаются друг от друга, прежде всего, типом или способом экономического функционирования: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, буржуазной и предполагаемой коммунистической формации. Исходным для нашего исследования является положение К. Маркса о том, что «общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы раз-

вития, ни отменить последние декретами»²⁷. Такое понимание прямо вытекало из признания общества «организмом», только особым – «социальным»²⁸. При нормальном развитии биологического организма его «фазы развития» являются закономерными, объективными и не допускают пропуска. Из этого исходил Ф. Энгельс, приводя, хотя и по другому поводу, пример развития бабочки: яйцо – гусеница – кокон – бабочка²⁹.

Согласно этой логике, создание и развитие реального социалистического общества было бы в России после Октябрьской революции принципиально невозможно, поскольку она не прошла стадию развитого капитализма, призванного создать объективные материальные, социальные и духовные предпосылки для социализма. Однако советское общество со всеми его искажениями, противоречиями и «бюрократическими извращениями» все-таки было не капиталистическим, а социалистическим. Это был ранний, существующий на неадекватной базе производительных сил, но все-таки – социализм. Признание данного исторического факта порождает проблему в рамках формационной теории – проблему пропуска формаций. Ее рассмотрению посвящена данная статья.

Развитие социального организма, как показала всемирная история, не подчиняется законам биологического организма. Его стадии развития не являются генетически запрограммированными и могут при разных природных и внешних социальных условиях существенно изменяться. Так, большинство народов мира миновало рабовладельческую формацию, в том числе и в Европе, на опыте которой К. Маркс разрабатывал свою теорию исторического развития. Народы Крайнего Севера, Центральной и Южной Африки остановились в своем развитии на стадии родового или раннефеодального общества. Китай от феодального общества перешел к рабовладению (II в. до н.э. – III в. н.э.), а потом вернулся к феодализму. На территории США с начала XVI в. было возрождено рабовладение, которое развивалось одновременно с капитализмом до середины XIX в. Этих фактов всемирной истории достаточно для того, чтобы по-новому поставить вопрос о последовательности формаций в развитии одного общества.

Как известно, К. Маркс не раз отмечал, что экономические формации отличаются не тем, *что* они производят, а тем *как* они производят – способом производства и, в первую очередь, способом соединения работника со средствами производства, способом принуждения или, говоря шире, побуждения его к труду³⁰. Если для феодального общества и присущего ему способа производства характерно сочетание физического и экономического принуждения к труду, то для предшествующего ему рабовладельческого общества характерно физическое принуждение, а для последующего капиталистического – экономическое принуждение. Это позволяет нам выделить так называемые «чистые» и «переходные» формации. Отсюда вытекает, что исторически *нормальным*³¹ является переход от рабовладельческого общества к феодальному – к «переходной формации», а не к капиталистическому – «чистой формации» по способу принуждения к труду.

²⁷ Маркс К. Предисловие к первому изданию // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1983–1986. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. С. 10.

²⁸ Маркс К. Введение. (Из экономических рукописей 1857–1858 гг.) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955–1974. Т. 12. С. 712, 728; Маркс К. К критике политической экономии // Там же. Т. 13. С. 20; Маркс К. Капитал. Т. 1 // Там же. Т. 23. С. 11, 20–21, 89, 91 и др. К. Маркс следует в этом Гегелю, который вводит понятие «государственный организм». См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Там же. Т. 1. С. 228–230.

²⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 20. С. 139–140.

³⁰ В «Капитале» К. Маркс указывал: «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. [...] Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя». См.: Маркс К. Капитал. Т. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 24. С. 43–44 и др.

³¹ Под нормальным развитием общества следует, на наш взгляд, понимать такое его развитие, которое закономерно протекает в относительно благоприятных условиях без воздействия внешних факторов, качественно изменяющих последовательность и содержание фаз его развития. Можно выделить следующие измененные виды исторического развития общества: опережающее, стагнирующее и регрессивное.

Предложенный К. Марксом подход дает основания для характеристики и других формаций по способу принуждения к труду, а также для выделения в качестве самостоятельных еще двух формаций. Так, с нашей точки зрения, можно выделить в особую формацию тип общества, который Ф. Энгельс характеризовал как «военную демократию»³². Она закономерно сочетает естественное принуждение к труду, характерное для предыдущего, первобытного общества, с физическим принуждением, присущим последующему рабовладению. В рамках этой формации, которую можно назвать «дружинной», князь и дружина главного племени господствовали над ареалом соседних племен, подвергая их устойчивым грабежам, трансформировавшимся позднее в «полюдь».

В условиях нормального развития капиталистическое общество дает основания и предпосылки для выделения еще одной «переходной формации» – социалистической, для которой будет характерно сочетание экономического принуждения и самопобуждения к труду, то есть «сознательного отношения к труду». Советское общество являлось конкретно-исторической формой становления такой формации. В будущем из нее с неизбежностью вырастает «чистая формация» – общество, где господствует самопобуждение к творческой деятельности, – коммунистическая формация.

Историческую эволюцию типов принуждения работников к труду в результате социальных революций и смены формаций можно представить в следующей схеме (рис. 1).

Рис. 1. Смена формаций и типов принуждения (побуждения) работников к труду³³

Такое понимание исторического процесса дает основание для объяснения, почему возможно миновать «чистые формации»: между ними есть общее в способе функционирования экономики – физическое принуждение работников к труду в случае пропуска рабовладения и перехода от «дружинной формации» к феодальной и экономическое принуждение в случае пропуска капитализма и перехода от феодализма к социализму. Эта возможность превращается в реальность лишь тогда, когда отсутствуют условия для перехода к рабовладению (природно-географические условия, слабость государства) или к капитализму (экономическая и социальная неэффективность капитализма, политическая и экономическая зависимость от более развитых государств).

Октябрьская революция застала российское общество на завершающем этапе буржуазной социальной революции – эпохе перехода от феодализма к капитализму. В.И. Ленин, как и все российские социал-демократы, прекрасно осознавая это, ставил задачи осуществления буржуазной политической революции. Поэтому в 1917 г. после победы Февральской революции меньшевики считали закономерным и неизбежным переход к развитому капитализму и невозможным переход к социализму. Отсюда их последовательно отрицательное отношение

³² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 21. С. 164–165.

³³ Всякая общественная формация проходит в своем развитии 3 стадии: стадию формирования, развитую стадию и стадию разложения, которые на схеме отображены в виде сторон трапеции. Переход от формации к формации происходит через социальную революцию. Социальная революция – это переход от старой к новой, более высшей формации, который выступает как единство разложения старой и формирования новой формации. Эти процессы отображены на схеме пересекающимися восходящей и нисходящей линиями со стрелками.

к ленинскому лозунгу «Да здравствует социалистическая революция!» как призыву к социалистической революции в России после свержения в ней монархии. Хрестоматийным в этом отношении является заявление Г.В. Плеханова в 1917 г. о том, что «русская история еще не смогла той муки, из которой со временем будет испечен пшеничный пирог социализма»³⁴. Меньшевики прямо упрекали В.И. Ленина в отказе от марксизма, в забвении соответствующих положений К. Маркса, данных им в предисловии к первому тому «Капитала», и в политическом авантюризме³⁵.

До января 1923 г. В.И. Ленин отказывался вступать в полемику с меньшевиками и не замечал их заявлений по этому поводу, что было для него нехарактерно. Достаточно вспомнить его труд «Развитие капитализма в России» (1899 г.), направленный против народников, отрицавших существование и развитие капитализма в российском обществе; его работу «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 г.), направленную против меньшевиков, отрицавших материалистическую философию как философию марксизма; «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916 г.)³⁶, направленную против отождествления империализма с политикой метрополий в отношении колоний. Сделав в этой важной работе вывод о том, что капитализм как форма развития одного общества перерос в мировой империализм как систему развитых капиталистических государств, под влиянием которых находится целый ряд менее развитых стран, В.И. Ленин характеризует войну 1914–1918 гг. как мировой кризис империализма, порождающий мировую социалистическую революцию. Однако победа Октябрьской революции в России и неудача мировой социалистической революции *практически* поставили вопрос о возможности перехода к социализму в одной стране – России, которая не прошла стадию развитого капитализма. По этому важнейшему вопросу в январе 1923 г. в работе «О нашей революции» В.И. Ленин писал: «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм. С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, [меньшевик] Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это *бесспорное положение* (здесь и далее курсив наш. – М.А.) они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции»³⁷. «...Им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо *порядка этого развития*»³⁸. «...А не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием *безвыходности своего положения*, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»³⁹.

В.И. Ленин, отвергая «порядок» фаз развития социального организма, по сути, отвергает важнейшее положение марксизма. Но дело в том, что от жесткого понимания этого положения К. Маркс и Ф. Энгельс отказались уже с 1875 г. в полемике с русскими народниками и допустили переход полуфеодальной России к социализму, минуя капитализм, при поддержке или на основе опыта развитых стран победившего социализма: «...Общинная собственность в России

³⁴ Плеханов Г.В. Логика ошибки // Единство. 1917. 20 июня. [Электронный ресурс]. URL: <http://libelli.ru/works/gvp.htm> (дата обращения: 03.11.2017).

³⁵ См.: Леонова Л.С. Октябрьская революция 1917 г. в интерпретации лидеров политических партий меньшевиков и эсеров (Ю.О. Мартов, В.М. Чернов) // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 2. С. 149–161.

³⁶ В.И. Ленин охарактеризовал империализм, то есть капиталистическую экономику, в которой господствуют монополии, как стадию разложения капитализма. Однако, как показала история, империализм есть стадия развитого капитализма, в рамках которой он успешно развивается и реализует все свои исторические возможности.

³⁷ Ленин В.И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380.

³⁸ Ленин В.И. Указ. соч. С. 379.

³⁹ Там же. С. 380.

давно уже пережила время своего расцвета. Тем не менее бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую... причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли промежуточную ступень парцельной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, – в частности, материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия»⁴⁰.

В 1882 г. они, поддерживая первых русских марксистов, писали: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁴¹.

В.И. Ленин, вероятно не имевший возможности ознакомиться с этими взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса⁴², фактически повторяет их аргументы в марте 1921 г. в выступлении на X съезде РКП(б): «Нет сомнения, что социалистическую революцию в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможно осуществить лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно не нужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство. В странах развитого капитализма есть сложившийся в течение десятков лет класс наемных сельскохозяйственных рабочих. Только такой класс социально, экономически и политически может быть опорой непосредственного перехода к социализму. Только в таких странах, где этот класс достаточно развит, непосредственный переход от капитализма к социализму возможен и не требует особых переходных общегосударственных мер. Мы подчеркивали в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе, что в России дело обстоит не так, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев. Социалистическая революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при двух условиях. Во-первых, при условии поддержки ее своевременно социалистической революцией в одной или нескольких передовых странах. Другое условие, это – соглашение между осуществляющим свою диктатуру... пролетариатом и большинством крестьянского населения»⁴³.

Еще более оптимистично был настроен В.И. Ленин в апреле 1918 г., когда казалось, что задачи гражданской войны уже решены, советская власть с боями установлена почти на всей территории России и на первый план вышли задачи «экономической организации» социалистического общества: «...Эта задача [экономической реорганизации] разделяется на две главные рубрики: 1) учет и контроль за производством и распределением продуктов в наиболее широких, повсеместных и универсальных формах этого учета и контроля и 2) повышение производительности труда. Эти задачи могут быть разрешены какой угодно коллективностью или

⁴⁰ Энгельс Ф. О социальном вопросе в России // Маркс К., Энгельс Ф. Указ соч. Т. 18. С. 545–546.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию 1882 г. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 19. С. 305. См. также: Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок», ноябрь 1877 г. // Там же. Т. 19. С. 116–121; Маркс К. Письмо В. Засулич от 8 марта 1881 г. // Там же. Т. 19. С. 250–251; Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич, конец февраля – начало марта 1881 г. // Там же. Т. 19. С. 400–421; См. также: Энгельс Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниэльсону от 17 октября 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 128–130; Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 438–453.

⁴² Поэтому в своей статье января 1923 г. «О нашей революции» (Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 378) он аргументирует свою позицию, обращаясь к высказыванию К. Маркса 1856 г. о надежде соединить рабочее и крестьянское движение в Германии для победы пролетарской революции в ней. К. Маркс писал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно». См.: Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу от 16 апреля 1856 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 29. С. 37.

⁴³ Ленин В.И. X съезд РКП(б). Доклад о замене разверстки натуральным налогом от 15 марта 1921 г. // Ленин В.И. Указ. соч. Т. 43. С. 57–58.

каким угодно государством, переходящим к социализму, лишь при условии, что основные экономические, социальные, культурные и политические предпосылки этого в достаточной степени созданы капитализмом. Без крупного машинного производства, без более или менее развитой сети железных дорог, почтово-телеграфных сношений, без более или менее развитой сети учреждений народного образования, – ни та, ни другая задача в систематическом виде и во всенародном объеме, безусловно, не могли бы быть решены. Россия находится в таком положении, когда целый ряд из первоначальных предпосылок подобного перехода имеется налицо. С другой стороны, целый ряд подобных предпосылок отсутствует в нашей стране, но может быть заимствован ею сравнительно легко из практического опыта соседних, гораздо более передовых, стран, давно уже поставленных историей и международным общением в тесную связь с Россией»⁴⁴

⁴⁴ Ленин В.И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти», март 1918 г. // Ленин В.И. Указ. соч. Т. 36. С. 130–131, 138.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.